

УДК 94(477.75)"1346–1347"

ЛАТИНСКИЕ И АРАБСКИЕ ИСТОЧНИКИ ОБ ЭПИДЕМИИ ЧУМЫ В КРЫМУ В 1346–1347 гг.

Хайдаров Т. Ф.

Институт истории им. Ш. Марджани АН Республики Татарстан, Казань, Российская Федерация
E-mail: timkh2000@yandex.ru

Вторая пандемия чумы, известная под названием «*черная смерть*», унесла примерно 2/3 населения средневековой Европы. Один из первых ударов был нанесен по крымскому полуострову. Хотя и были опубликованы многие из исторических источников, но практически до последнего времени их данные использовались отдельно друг от друга. Если в западной историографии были известны данные хроники Маттео Вилани и Габриэле де-Муси, то в отечественной использовались отрывки произведений ал-Айни и Ибн ал-Варди. Сопоставление данных этих источников позволяет более критично взглянуть на сообщения о крымской эпидемии чумы в 1346–1347 гг. Получившаяся реконструкция дает представление о существовании различных оценок данного явления у итальянцев, арабов, татар и монголов.

Ключевые слова: «черная смерть», Крым, осада Кафы, Джанибек, Маттео Вилани, Габриэле де-Муси, ал-Айни и Ибн ал-Варди.

Наименее изученным в истории Крыма считается средневековый период. В последние годы в связи с массовым введением в историографию целого ряда ранее неизученных и пересмотренных опубликованных письменных источников многие страницы крымской истории стали пересматриваться. Впрочем, несмотря на наметившие тенденции, многие из известных эпизодов крымской средневековой истории, вследствие постоянного исследовательского интереса, практически не подвергались критическому анализу. Одним из ярких примеров сохраняющегося историографического традиционализма служит тема «*Эпидемия черной смерти в Крыму в 1346–1347 гг.*». Поэтому для реконструкции этих событий крайне необходимо проанализировать уже имеющиеся письменные источники на латинском и арабских языках.

Одной из первых подробных описаний эпидемии «*черной смерти*» в Крыму является средневековая хроника флорентийца Маттео Виллани. В тексте источника содержится информация о возникновении после бомбардировки весной 1347 г. неизвестного ранее заболевания, приведшего к массовому мору среди жителей города. У всех заболевших и умерших наблюдались характерные для «*черной смерти*» симптомы (сыпь в паховой области и суставах). Вследствие незнания городскими врачами природы болезни, оказание последующей медицинской помощи зачастую не было эффективным. Очень скоро умерших внутри городских стен стало так много, что горы тел павших стали видны осаждавшим татарам. Жители осаждённого города попробовали захоронить мертвых в водах Черного моря, но вскоре воздух и местные грунтовые воды были отравленные трупным ядом. Очень скоро оставшиеся в живых вынуждены были обратиться в бегство. Однако спасшиеся продолжали сеять яд чумы среди жителей тех мест, где останавливались торговые суда последних. Так чума попала в Константинополь, Египет и Сицилию [3, с. 20].

Более достоверную информацию о крымской эпидемии чумы содержится в труде оказавшегося внутри городских стен во время осады Кафы путешественника из Пьяченцы Габриэле де Мусси 1348 г. («История мора, или великой смертности») [1]. Данный источник, несмотря на сохранность только в более поздних копиях, из которых наиболее ранняя датируется 1367 г., продолжает сохранять наибольшую исследовательскую ценность.

Написанный сразу же после событий в 1348/49 г. текст позволяет понять отношение западноевропейцев к новому заболеванию. И здесь, главным образом, обращают на себя внимание явно апокалиптические описания событий. Именно как посланную кару с небес за неверие восточных народов в Иисуса Христа автором текста объявляется основной причиной начала эпидемии. Впрочем, Габриэле де Мусси признает восточное происхождение болезни. Вот как он пишет об этом: «...В 1346 году, и в странах Востока, бесчисленное множество татар и сарацин были сражены, принесли им внезапную смерть, таинственной болезнью. В этих странах не осталось ни одной провинции, земель, городов, поселков и населенных пунктов, которые не оказались бы охвачены этой лишающей жизни местных жителей болезнью. Находящаяся под управление татар восточная страна, начала осаду лежащей к северу от Константинополя Таны. После инцидента, часто посещаемый итальянскими купцами город был полностью заброшен, осажден и покорен быстро собравшимися из Золотой Орды татарами. Вытесненные силой христианские купцы, оказались столь напуганы властью татар, и чтобы спасти себя и свое имущество, они вынуждены были в вооруженном корабле укрыться в основанной генуэзцами в той же части мира Кафе» [4, р. 972].

Далее, автор сообщает нам о начавшейся во время трехлетней осады города Кафы эпидемии: «О, Боже! Теперь оказалась окруженной со всех сторон татарами Кафа и христиане вынуждены были в течении 3-х лет быть в осаде. Окруженные огромной армией противника, вряд ли могли свободно дышать, хотя еда на кораблях доставлялась в город, что давало им хоть какую-то надежду. Но вот, в армии противников разразилась болезнь, которая стала ежедневно убивать тысячи и тысяч татар. Как будто пролился с небес дождь и сбил всю спесь с татар. Все медицинские советы и меры были бесполезны. Татары умирали как только обнаруживались признаки заболевания на их телах: отеки в подмышечной области или в области паха, вызывающие к не сворачиваемость крови с последующей гнилостной лихорадки...

Умиравшие татары, оглушённые и ошеломлённые необъяснимой катастрофой, вызванной болезнью, начинали понимать на отсутствие у них надежды на спасение и тем самым теряли всяческий интерес к осаде. Однако, это не помещало им использовать трупы умерших в качестве снарядов для катапульты. Делалось это в надежде, что невыносимая вонь убьет всех сопротивляющихся или хотя бы заставит ещё живых оставить умирающий город. Христиане не могли скрыться или бежать от неё, хотя они и стали выбрасывать трупы в море. Но вскоре испорченный от гниющих трупов воздух испортил местный источник и настолько стал не выносим для окружающих, что несколько тысяч человек из татарского войска вынуждено было обратиться в бегство. Более того, выяснилось, что один

зараженный человек мог заразить несколько человек и место, где он находился. Из-за того, что никто не знал или не мог видеть в себе средство борьбы с болезнью, все оставались с болезнью наедине».

Габриэле де Муси стал первым из средневековых западноевропейских авторов, который попытался определить месторасположение первоочага неизвестной болезни: *«Таким образом, почти все, кто бывал на Востоке или в регионах расположенных к югу и к северу, как правило падали жертвой внезапной смерти, вызванного этой чумной болезнью. Именно вовремя этой болезни на телах смертельно больных вырастают на теле опухоли»* [4, р. 973].

Масштабность смертности и неизвестная форма болезни заставили итальянца объявить, что страшные события 1346–1347 гг. являются предвестниками наступления описанного в Библии Страшного суда. Это опасения усиливались тем, что многие восточные земли также оказались поражены этой болезнью. Среди перечисленных им народов упоминались, китайцы, индусы, персы, мидяне, курды, армяне, киликийцы, грузины, месопотамцы, нубийцы, эфиопы, турки, египтяне, арабы, сарацины и греки.

В Крыму, по признанию путешественника, *«вымерли бесчисленные племена татар и сарацинов от неожиданной и необъяснимой болезни... огромные пространства земли опустели, наиболее населенные города почти обезлюдели. В Кафе из тысячи умерших в живых оставалось не более 10 человек».*

Дальнейшее распространение эпидемии итальянским хронистом описано во всех подробностях. *«Родные и друзья и соседи поспешили к нам... но мы принесли с собой убийственные стрелы, при каждом слове распространяли мы свой смертный яд... Как это произошло, среди тех, кто сбежал из Кафы. На лодке было несколько матросов, которые заразились ядом болезни. Некоторые суда отправились в Геную, другие в Венецию и христианские направления. Когда матросы достигнув этих мест и смешивавшись с местными жителями, то происходило так, как будто бы они приносили с собой злых духов. Каждый город, каждый поселок, каждое место были отравлены заразным мором. Их жители, мужчины и женщины неожиданно стали погибать. И если один человек заразился этим заболеванием то он, как правило отравлял всю свою семью, и даже когда он падал и умирал. Умереть мог даже тот, кто готовился захоронить его тело. Таким образом смерть шла через окна. Города и поселки опустели, их жители оплакивали своих мертвых соседей»* [4, р. 974].

Впрочем, даже большая смертность среди населения Кафы и бегство оставших в живых, по мнению отечественного исследователя Е. Г. Еманова, не привело к полному падению города. Наоборот, ослабленное болезнью татарское войско вынуждено было снять осаду Кафы [1, с. 50].

Несмотря на столь подробное описание Габриэле де Муси эпидемии чумы в Кафе общую картину крымской чумы 1346/47 гг. предоставляют тексты арабоязычных авторов ал-Айни и Ибн ал-Варди.

Вот как описывает эти события ал-Айни: *«К числу событий 749 года относится великая моровая язва и охватившая всех чума, случившаяся в землях Халебских, Сирийских и Египетских и продолжавшаяся до 750 года. Это был сильный мор,*

опустошивший страны и жилища, и поразивший людей онемением и кровохарканием. Число умерших доходило в Каире и Мысре в день до 20000 человек, а в Халебе в день до 5000, в Айнтабе (умирали) каждый день от 150 до 200, – в один день больше, в (другой) меньше – а в Дамаске 1000 человек. Погибло народу приблизительно 2/3. Этот мор есть тот, который люди называют «великим мором». В некоторых летописях говорится, что число умерших в Мысре и Каире в шаабане и рамазане (25 октября – 22 декабря 1348 г.) дошло до 900000 человек. О чуме подобно этой, никто (прежде) не слышал. Чумы в исламе насчитывают пять; эта шестая, и не было в нем (в исламе) чумы сильнее этой; потому что она охватила и мусульман и неверных в некоторых странах, особенно в землях франков, и обезлюдела большую часть страны. Оказался недостаток во всех товарах, вследствие незначительности привоза их, так что бурдюк воды обходился в землях Египетских дороже 10 дирхемов» [2, с. 529–530].

Арабский автор трактата «Весть о чуме» Ибн ал-Варди, умерший от болезни в начале 1350 г., так описывал вспышку «черной смерти» в Крыму: «В 747 году (1346) приключилась в землях Узбековых чума, обезлюдели деревни и города; потом чума перешла в Крым, из которого стала исторгать ежедневно до 1000 трупов, или около того... Затем чума перешла в Рум (Константинополь), где погибло много народу, – сообщал мне купец из людей нашей земли, прибывший из того края, то кади Крымский рассказывал: «Сосчитали мы умерших от чумы, и оказалось их 85000, не считая тех, которых мы не знаем» [2, с. 498].

Исходя из приведенных источников и проведенных в области чумы исследований, можно сделать определенные выводы о происхождении крымской чумы. Согласно им, последняя пришла на полуостров через волго-донские степи около 1346 г., то есть ровно через 15 лет после первых вспышек данного заболевания, локализованных в районе среднеазиатского озера Иссыкуль. Хотя смертность среди населения полуострова была достаточно велика. Однако позиции Крыма на пространстве Улусе Джучи ничуть не ослабли. Скорее нужно говорить о их усилении.

В целом, осада Джанибеком крепости Кафы являлась лишь одним из событий длительного соперничества в Черном море итальянских торговых республик Генуи и Венеции. Несмотря на то, что эпидемия чумы унесла достаточное количество населения, полуостров продолжил усиливать свои позиции в транзитной торговле итальянских республик с Востоком, что, в свою очередь, напрямую способствовало восстановлению доэпидемической численности населения Крыма.

Вторая пандемия чумы явилась своеобразным рубиконом, отделившим эпоху Средних веков от Нового времени, средневековую схоластику от антропоцентризма и рационализма, феодализм от капитализма. По неподтвержденным данным, общее число умерших по миру составило порядка 60–80 млн человек. Её результатом явились как колоссальные социальные и политические потрясения, так и мощнейший технологических рывок. Возникший на руинах старого новый мир привнес в сообщества людей совершенно иные представления о государственном и административном устройстве, этнических, языковых, религиозных, межкультурных и межцивилизационных отношениях. В любом случае эти изменения для современников событий очень долго не были очевидны. Поэтому описания чумы,

сделанные латинскими и арабскими авторами в Крыму, так важны для осмысления этих процессов. Являясь первыми подобными описаниями, эти источники способствовали формированию новой традиции описаний эпидемий.

Список использованных источников и литературы

1. Еманов Е. Г. Великая пандемия середины XIV в. как финал средневековой истории // Вестник Тюменского гос. университета. Серия: «История». 2013. № 2. С. 49–54.
Emanov E. G. Velikaya pandemiya serediny XIV v. kak final srednevekovoï istorii // Vestnik Tyumenskogo gos. universiteta. Seriya: «Istoriya». 2013. № 2. S. 49–54.
2. Тизенгаузен В. Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 1. СПб., 1884. 588 с.
Tizengauzen V. G. Sbornik materialov, odnosyashchikhsya k istorii Zolotoi Ordy. T. 1. SPb., 1884. 588 s.
3. Bergdolt K. Der Schwarze Tod: die Grosse Pest und das Ende des Mittelalters. Muenchen, 2000. 272 S.
4. Wheelis M. Biological Warfare at the 1346 Siege of Caffa // Historical review. 2002. Vol. 8, №. 9. Pp. 971–975.

Khaydarov T. F. Latin and Arab sources about the plague in the Crimea in 1346–1347.

The second pandemic of plague, known as Black death, claimed approximately 2/3 of the population of medieval Europe. One of the first blows was struck on the Crimean Peninsula. Although they were published, many from historical sources, but until recently their data were used separately from each other. In Western historiography were known to the chronicle data Wilanów Matteo and Gabriele de Musi, in the national historiography was used fragments of works of al-Ayni and Ibn al-Vardi. Mapping these data sources allows a more critical look at the reports of the Crimean plague in 1346 – 1347. The resulting reconstruction gives an idea about the existence of different evaluations of this phenomenon among Italians, Arabs, Tatars and Mongols.

Key words: Black death, the Crimea, the siege of Caffa, Janibek, Matteo Wilanow, Gabriele de Musi, al-Ayni and Ibn al-Vardi.